

на удалённую от Екатеринодара ст. Тимашевскую. И вновь удачно. Партизаны захватили врасплох военно-революционный комитет, арестовали и увезли с собой его председателя «комиссара» Хачатурова¹⁶³. Кроме того им без единого выстрела удалось разоружить несколько стоявших на путях солдатских эшелонов. Лишь когда отряд уже убывал обратно в Екатеринодар, его обстреляли со станции пластуны.

6.4.4. Энем. Афипская

К середине января на Кубани оформились три советских центра¹⁶⁴, где большевики чувствовали себя настолько уверенно, что могли уже повести наступление на Екатеринодар по главным железнодорожным магистралям от Кавказской – Армавира, Тихорецкой и Екатеринодара.

17 января в станице Крымской «членами местного Совета народных депутатов, членами екатеринодарского Совета народных депутатов и организацией РДРП (большевиков)» был созван Съезд представителей революционных станиц и воинских частей¹⁶⁵. Был избран Кубанский Областной ВРК и его председатель Я.В. Полуян. На Съезде присутствовали представители 39-й дивизии Бутко и Грушко, совместно с которыми был разработан план наступления на Екатеринодар: со стороны Новороссийска и одновременно от Тихорецкой. Предполагалось занять столицу Кубани к 25 января, чтобы обеспечить проведение в городе заранее запланированного на этот день Съезда Советов. В этот же день 17 января в адрес Краевого правительства было направлено требование о немедленном признании Советской власти, разоружении добровольческих отря-

---

¹⁶³ Когда отряд вернулся в Екатеринодар, в его расположение прибыл командующий войсками Кубанского края генерал Букретов и настоял на том, чтобы Хачатурова отпустили. По словам В. Леонтовича Букретов после отставки и эвакуации города Кубанским отрядом, оставался в Екатеринодаре при большевиках вплоть до прихода Добровольческой армии. При этом новой властью не преследовался, и даже завёл молочную ферму.

¹⁶⁴ Новороссийск, Тихорецкая, Кавказская.

¹⁶⁵ К этому времени Советскую власть признали большинство станиц Майкопского, Ейского, Баталпашинского и Таманского отделов.

дов, выдачи их командиров. В противном случае большевики грозили повести наступление на Екатеринодар 20 января.

19 января ЦИК Новороссийского Совета, заслушав сообщение А.П. Рондо¹⁶⁶ о занятии одним из правительственных отрядов станции Энем под Екатеринодаром, принял решение о наступлении.

Казалось бы, большевики в Новороссийске располагали достаточной военной силой. В городе и на побережье к середине января скопились тысячи, если не десятки тысяч солдат, вывезенных из Трапезунда флотом. Однако большинство воевать не желало. Желало добраться поскорее домой. Обе стороны вели усиленную агитацию. Совдеп прямо указывал, что Краевое правительство не допустит свободного передвижения солдатских эшелонов, и потому необходимо вначале разогнать его вооружённой силой, а потом уже сформировать эшелоны и без помех следовать на родину. И надо признать, что эти утверждения имели под собой некоторые основания. Екатеринодар действительно не пропускал на север *не сдавших оружия*.

В свою очередь было составлено и передано в Новороссийск воззвание, в котором солдатам гарантировался свободный проезд через город при условии сдачи частями вооружения на контрольном пункте, выставленном на станции Георгие-Афипской. Демобилизованным, выполнившим это условие, обещано было содействие на всём пути следования в пределах Кубани: оборудование на станциях питательных пунктов, обеспечение медицинской помощи и т.д. Воззвание было передано как в гарнизон, так и отдельным должностным лицам, однако начальник гарнизона капитан Атроблянко, по-видимому, не желавший обострять отношения с Советом, до всеобщего сведения его не довёл¹⁶⁷.

Следует отметить, что в Екатеринодаре к надвигающейся

¹⁶⁶ Председатель Совета, созданного 21 мая 1917 г. на хуторе Городском.

¹⁶⁷ С этим воззванием напрямую связана и трагедия Варнавинского полка. Офицеры-варнавинцы стали убеждать своих солдат сдать оружие и проследовать самостоятельно или группами в центральную Россию. В результате 40 офицеров были схвачены, переданы на корабли Черноморского флота и там утоплены матросами.

угрозе отнеслись со всей серьёзностью. 18 января М.П. Покровский был вызван во дворец Войскового атамана, имел с А.П. Филимоновым продолжительную беседу и подтвердил готовность отряда к боевым действиям. 20 января в помещении Войскового хора состоялось собрание *всех находящихся в Екатеринодаре офицеров*. Ситуация оценивалась выступавшими по-разному, порой диаметрально противоположно. Говоривший первым полковник Демяник заявил, что положение безнадежно, и он не видит другого выхода, как сложить оружие и «не противиться грядущему злу». Совершенно иную точку зрения высказал генерал-квартирмейстер Полевого штаба генерального штаба полковник Н.П. Лесивицкий¹⁶⁸. Он призвал офицеров встать на защиту Края и города и своей вдохновенной речью пробудил совесть у определённой их части. До 800 человек записались по окончании собрания в отряд, что почти удвоило силы, верные Краевому правительству.

Большевикам в Новороссийске удалось, наконец, убедить часть солдат выступить против Екатеринодара. 19 января разведчики из отряда Покровского обнаружили сосредоточение советских отрядов на станциях Тоннельной, Абинской, Линейной, Ильской, Северской, и Георгие-Афипской. 20 января отряд войскового старшины Галаева выступил из Екатеринодара с задачей занять и удерживать до подхода главных сил Чибийский железнодорожный мост, восточнее разъезда Энем, который, как предполагалось, уже занят большевиками¹⁶⁹. Тем же вечером на помощь Галаеву выдвинулся в эшелоне и отряд Покровского, усиленный сотней добровольцев-казаков, «стариков» ст. Пашковской¹⁷⁰. На рассвете 21 января отряд прибыл к мосту и начал выгружаться. У сторожевой будки Покровский с Галаевым договорились о совместных действиях.

¹⁶⁸ После оставления Екатеринодара больной Лесивицкий был захвачен в Горячем Ключе и казнён.

¹⁶⁹ Разъезд и станция Энем были заняты советскими отрядами 20 января.

¹⁷⁰ По свидетельству В. Леонтовича это были «старики» не столько по названию, сколько именно по возрасту, вооружённые к тому же берданками, так как с современным стрелковым оружием «знакомы не были».

22 января советский отряд повёл наступление от Энема¹⁷¹. Во главе его стоял всё тот же А.А. Яковлев, председатель Военно-революционного комитета, бывший юнкер Владимирского военного училища¹⁷². Определить состав и хотя бы приблизительно численность наступающих вряд ли возможно. Вероятно, точного ответа на этот вопрос не смогли бы дать и сами организаторы похода. Судя по активности и наступательной тактике советского отряда, перевес в силах у большевиков всё же был, и значительный. Можно предположить, что ВРК удалось мобилизовать от двух до трёх тысяч бойцов¹⁷³. «Войска» состояли из подразделения матросов Черноморского флота¹⁷⁴, рабочих дружин и сагитированных Советом солдат.

Руководство осуществлялось самим «командующим» Яковлевым и его помощником Перовым. Артиллерией командовал поручик Баранов. План боя был прост: выдвинуться от станции к мосту, форсировать р. Чибий, разгромить противника и расчистить себе дорогу на Екатеринодар. В действительности всё вышло совершенно иначе.

«...первое выступление – бой под Энемом – было горячим и быстрым, – пишет Н.Л. Янчевский, ссылающийся на Бушко-Жука. – Отряды были недостаточно организованы, связь между ними не была обеспечена, не говоря уже о том, что само вы-

¹⁷¹ Командующим «Новороссийским фронтом» был Бушко-Жук, оставшийся в городе.

¹⁷² При всём уважении к энергичному, инициативному Яковлеву, его назначение «командующим» свидетельствует, как о катастрофической нехватке военных кадров у большевиков, так и об отсутствии элементарной организации наступления.

¹⁷³ Вот что пишет по этому поводу Н.Л. Янчевский: «...в распоряжении Военно-Революционного Комитета находились красногвардейские части, численностью не более пятисот человек, при четырёх горных орудиях и нескольких пулемётах...»

А вот слова В. Леонтовича: «Первоначально численность врага определялась в четыре тысячи штыков, при 12 орудиях и весьма большом количестве тяжёлых и лёгких пулемётов. В действительности же состав красной армии был гораздо значительнее и доходил до девяти тысяч человек...»

Очевидно, что при подобных расхождениих истина лежит где-то посередине. Большинство эмигрантских источников говорят о 4000 красногвардейцев и 600 бойцах в отрядах Покровского и Галаева.

¹⁷⁴ Матросов было немного. Весь почти флот стоял в Севастополе.

ступление было преждевременно, так как части 39-й дивизии, которые должны были наступать на Екатеринодар с востока, с выступлением запоздали...¹⁷⁵ Численность белогвардейских войск, действовавших под командой капитана Галаева, была равна приблизительно численности наступавших революционных частей, однако на стороне белых было то преимущество, что они были лучше организованы и вооружены. Во время боя был убит командующий отрядом тов. Яковлев и тов. Перов. К тому же командующий артиллерией поручик Баранов изменил во время боя...»

Бой под Энемом, сыгравший ключевую роль на Новороссийском направлении и оттянувший уход Краевого правительства из Екатеринодара более чем на месяц, заслуживает того, чтобы остановиться на нём подробнее.

На рассвете 22 января к Покровскому прибыли парламентёры, которые попытались убедить его и Галаева не препятствовать продвижению советских войск. Переговоры ни к чему не привели, парламентёров взяли под арест.

По договорённости с Галаевым отряд Покровского оставлял позиции у моста и, следуя через аул Тахтамукаевский, выходил к станции Энем и наносил удар по правому флангу и тылу противника. В свою очередь Галаев, удерживая мост, должен был сковать и стянуть на себя наступавшие советские отряды. В 9 часов утра колонна Покровского уже втянулась в аул, но за околицей путь к Энему отряду преградили две сотни пластунов из станицы Георгие-Афипской, «сорганизованных» накануне большевиками и выставленных для прикрытия фланга. Отряд развернулся в цепи, но воевать с казаками не пришлось. Пластуны заявили, что готовы подчиниться «законной» Крае-

---

¹⁷⁵ Надо полагать, что конкретная дата наступления на Съезде в Крымской вообще не была определена, и не столько части 39-й дивизии запоздали с выступлением, сколько никто их о нём не известил. Непонятно также, какими полномочиями были наделены представители дивизии, договорившиеся, якобы, о совместных действиях. К тому же до 25 января 39-я пехотная организационно не была никому подчинена, директив не имела, в серьёзные дела пока не ввязывалась. Ситуация изменилась лишь с прибытием в Тихорецкую Автономова. Но и тогда дивизия не пошла сразу на Екатеринодар. Первоочередной задачей, определённой Антоновым-Овсенко, был Батайск.

вой власти, сдали оружие и под конвоем взвода стариков-пашковцев были препровождены в Тахтамукай. После этого отряд в развёрнутом боевом порядке беспрепятственно выдвинулся непосредственно к разъезду и станции.

Большевики между тем повели фронтальное наступление на мост. Часть сил оставалась на станции, остальные двинулись вдоль железнодорожного полотна вперёд. Бой с самого начала принял ожесточённый характер, атаки следовали одна за другой, и Галаеву приходилось нелегко. В какой-то момент матросы ворвались на мост, но были встречены пулемётным огнём в упор¹⁷⁶. Советские отряды стянулись постепенно к полотну и перемешались на узком, окружённом плавнями участке. Управление, если и осуществляемое изначально, было у моста потеряно.

Солдаты, матросы, красногвардейцы скучились вдоль берега Чибия по обе стороны от железнодорожной насыпи, постреливали, но атаковать больше не пытались. Едва ближе к вечеру в тылу раздалась стрельба и крики «Ура!», сказала неустойчивость разношерстных, наскоро собранных отрядов. Паника распространилась мгновенно. Позиции у моста были тут же оставлены, четыре действующих орудия и пулемёты брошены. Все побежали назад, преследуемые перешедшими реку «галаевцами». Увидев, что станция уже занята, большая часть солдат и красногвардейцев обогнула Энем с запада и позже была выведена одним из уцелевших командиров Алексанкиным к Георгие-Афипской, расположенной в шести километрах юго-восточнее Энема. Те, кто решил пробиваться вдоль путей, были переколоты на станции. Остальные рассеялись.

Обходной манёвр отряда Покровского решил исход боя. Его

---

¹⁷⁶ Свой подвиг, стоивший ей жизни, совершила женщина-офицер Зинаида Бархаш. Появление её в отряде Галаева не было делом случая. Она участвовала в последних арьергардных боях в Галиции, защищала в составе Ударного батальона Зимний дворец, пробралась на Кубань и одной из первых записалась в добровольцы. В критический момент боя, прапорщик Бархаш выкатила свой пулемёт на открытую позицию к рельсам и несколькими очередями вдоль полотна сорвала атаку моряков. Ответным огнём была застрелена на месте. Удивительно, но даже имя её точно не установлено. Так К.Н. Николаев именуется девушку Татьяной.

цепи были обнаружены, когда по сути, уже ворвались в посёлок. Недолгая стрельба сменилась штыковым боем, в котором офицеры-добровольцы имели безусловное преимущество, особенно в сравнении с необученными красногвардейцами. Разгром был полный. У стационарного помещения командир офицерской сотни войсковой старшина Шайтор опрашивал задержанного молодого человека.

– Кто вы такой?

– Я юнкер Яковлев, командующий...

Тут же он был застрелен войсковым старшиной на месте.

Сопrotивление прекратилось. Бегущие рабочие и солдаты, побросав винтовки, рассеялись по всему полю. Им стреляли из пулемётов в спину. Попытавшихся вытаскивать из вагонов и прикалывали на путях. Пленных не брали, и потому наибольшие потери большевики понесли именно на станции и на подходах к ней. От полного уничтожения отряд погибшего Яковлева спасло лишь отсутствие у противника кавалерии.

Стрельба стихла. Лишь раздавались ещё там и тут одиночные выстрелы. Да окликали друг друга опасавшиеся выстрелить в суматохе в своих бойцы соединившихся на станции отрядов:

– Покровцы!

– Галаевцы!

Большевики одними лишь убитыми потеряли несколько сот человек¹⁷⁷. Победителям достались брошенные орудия, пулемёты, подобраны были сотни трехлинеек. Эшелоны с имуществом и боеприпасами также перешли к добровольцам. Моральные потери были куда значимее. Боевой дух был утрачен совершенно, что самым негативным образом сказалось в ближайшие дни.

В сравнении с достигнутым успехом потери екатеринодарской группы были ничтожны. В отряде Покровского 12 человек были убиты¹⁷⁸ и 21 ранен. Сопоставимыми были потери в отря-

¹⁷⁷ В Леонтович утверждает, что не меньше тысячи. Но склонность его к преувеличению и сам характер скоротечного боя заставляют усомниться в достоверности этого.

¹⁷⁸ Один из погибших начальник пулемётной команды поручик Морочный.

де Галаева. Однако во время атаки от моста к разъезду был убит сам Галаев¹⁷⁹, что также повлекло за собой самые серьёзные последствия.

Если к Покровскому эмигрантские источники относятся *по-разному*, то Галаеву единодушно и безусловно симпатизируют¹⁸⁰ и сходятся в одном. Будь войсковой старшина во главе правительственных отрядов или хотя бы оставайся он в строю, всё могло бы ещё случиться иначе. И надо признать эту мысль имеющей право на существование. В отличие от Покровского, тяготеющего к политическому антуражу, Галаев всё внимание уделял фронту и отряду. К тому же он был окопником, строевиком, знал жизнь именно армейской пехотной части, а не только и не столько партизанской. Имел куда больший опыт командования и понимание необходимости поддержания в любой обстановке дисциплины и надлежащего исполнения караульной службы. Покровский, при всём уважении, от всего этого был далёк. Но, как известно, на войне мелочей не бывает. Именно от них зачастую зависит участь боя...

Разгром под Энемом изменил настроения в Краевом правительстве кардинальным образом. Обречённость сменилась в одночасье радужными надеждами. Во всяком случае, на будущее многие смотрели уже с оптимизмом¹⁸¹. Изменилось и от-

¹⁷⁹ Тела Галаева и Бархаш были захоронены в усыпальнице Екатеринодарского Войскового Собора.

¹⁸⁰ «...Галаев является достойнейшим представителем русского офицерства, – писал Филимонов. – Я до сего времени не могу о нём вспомнить без чувства самого благоговейного преклонения. На фоне уже тогда обнаружившейся распущенности, разврата, шарлатанства и авантюризма Галаев выгодно выделялся благородством своего поведения, мужеством и непреклонной волею бескорыстно служить краю и народу...»

Галаев, несомненно, подготовил капитану Покровскому его победу у станции Георгие-Афипской...

Краткое мое знакомство с Галаевым останется самым светлым воспоминанием от периода общероссийской Смуты».

¹⁸¹ Уже на следующий день 23 января в екатеринодарских газетах была опубликована телеграмма от 17 января, направленная от ВРК Кубани и Черноморья в адрес Краевого правительства, в которой в частности говорилось: «Не вмешивайтесь в дела съезда советов, пусть трудящиеся разрешат вопрос о власти на Кубани, сами отойдите от власти и разоружите дружины. Предоставьте судьбу Кубани съезду. Кубань – банкрот, хозяйство разрушено,

ношение Краевой власти к добровольческим формированиям. Уже к вечеру была налажена связь, прибыл направленный из Екатеринодара санитарный состав, который тут же развернул на разъезде перевязочный пункт, а позже вывез в город всех раненых. Городское самоуправление выделило и доставило на станцию запасы продовольствия.

Главное, группами и поодиночке стали прибывать в Энем новые добровольцы. Уже в ночь пришла и влилась в состав отряда строевая кавалерийская казачья часть – сотня Гвардейского Кубанского дивизиона. В последующие два дня из Екатеринодара подошла сотня юнкеров Кубано-Софиевского военного училища¹⁸² и две конных сотни Черкесского полка. Вскоре в отряде насчитывалось уже до тысячи штыков и 250-300 сабель.

Что касается Новороссийска, то и здесь поражение не осталось незамеченным. Нашлись трезвомыслящие люди, выразившие сомнение в том, что победа над офицерскими добровольческими отрядами силами в массе своей необученной Красной гвардии без соответствующей подготовки и минимальной организации возможна в принципе. «По словам Бушко-Жук, – пишет Янчевский, – на все его возражения, что разбить белые части не пустяковое дело, одни ему отвечали: «Революционеры не отступают», другие: «В три счёта расшибём (Серадзе и Алексанкин)». О неизбежном падении боевого духа и веры в себя у бойцов, бежавших от Энема, никто из них не думал. В итоге победила точка зрения «военного министра» И.А. Серадзе. Сам он с наскоку собранным отрядом, преимущественно из новороссийских рабочих, прибыл на станцию Георгие-Афипскую на помощь Алексанкину и принял командование.

в пролитии крови вина на вас. Область вам не верит, шутками власти не удержите, решайте до ультиматума. Отвечайте. Адрес: Крымская, военно-революционный комитет Кубанского совета народных депутатов». После Энема опубликование подобной телеграммы уже не казалось Правительству свидетельством силы большевиков, но напротив, представлялось демонстрацией уверенности Краевых властей, а в психологическом и чисто военном плане, мобилизующим фактором.

¹⁸² Юнкеров привёл их курсовой офицер капитан Трипольский.

Развернуть новое наступление бывший прапорщик Серадзе не успел¹⁸³.

В ночь на 24 февраля вставший после гибели Галаева во главе объединённого отряда Покровский упредил его возможные инициативы. Перейти к активным действиям его вынуждало численное превосходство противника¹⁸⁴, непрерывно прибывающие к Серадзе подкрепления и понятное желание использовать и развить достигнутый успех. Пробравшиеся в Энем из Афипской старики-казаки сообщили, что «силы Серадзе всё время увеличиваются прибывающими из Новороссийска частями и что большевики в ближайшие дни готовятся перейти в наступление».

Учитывая всё это, Покровский принял решение – атаковать первым. Предполагалось передовому отряду скрытно подойти к железнодорожному мосту через Афипсис¹⁸⁵, сбить заставу большевиков и обеспечить тем самым для главных сил возможность внезапного нападения на станцию и станицу. При этом дивизион Черкесского полка должен был занять ближайший к станице аул Верхний Бжеготай, переправиться вброд через Афипсис и с началом боя ударить во фланг и тыл противника. Сотня Гвардейского дивизиона оставалась в резерве.

В 23.00 23 января Покровский выстроил отряд и коротко обозначил командирам подразделений задачу. Чтобы различить в темноте своих, людям предварительно была роздана марля, из которой каждый сделал себе белую повязку на левом рукаве шинели. В полночь офицерская сотня под командой войскового старшины Шайтора в полной тишине начала выдвигаться к мосту. В сотне метрах позади шла остальная пехота. К

---

¹⁸³ План был прост. Сосредоточить в Георгие-Афипской все наличные силы и используя сохранявшееся численное превосходство раздавить отряд Покровского фронтальной атакой. Объясняя неудачу под Энемом Серадзе писал в Новороссийск: «Белогвардейцев хотя и немного, но они отлично вооружены; у них в изобилии – артиллерия и пулемёты...»

¹⁸⁴ В. Леонитович оценивает численность советских отрядов, сосредоточившихся в Георгие-Афипской в 6000 штыков.

¹⁸⁵ Ныне р. Афипс.

этому времени от черкесских сотен пришло донесение, что аул Бжеготай уже занят и они готовы к атаке.

Надо отдать должное И.А. Серадзе, разумные меры предосторожности он принял и о дисциплине позаботился. Караул не спал. Едва офицерская сотня приблизилась к мосту, последовал окрик часового:

– Стой! Кто идёт?

Тут же грянуло «Ура!», сотня ворвалась на мост, в несколько минут смяла заставу, переколов на месте немногочисленных солдат. Вся колонна в едином порыве проскочила через реку и, разворачиваясь на ходу в цепи, устремилась к станции.

Солдаты и красногвардейцы спали в станционных постройках. Едва раздалась стрельба на путях, большая их часть, не пытаясь оказать сопротивления, стала разбегаться в степь. На платформе стоял Серадзе со штабом, пытался отдавать приказы, но его никто не слушал. К «военному министру» подскочил юнкер Муссаев и ударил штыком в грудь. Серадзе выстрелом из револьвера успел раздробить ему челюсть. Оба упали...

Немало красногвардейцев укрылось в залах ожидания 1-го, 2-го и 3-го классов. Кто-то из офицеров, не растерявшись, приказал сдать оружие. После минутного замешательства все положили винтовки и сдались. В помещении дежурных железнодорожных агентов бы захвачен штаб отряда Серадзе, часть не успевших скрыться штабных работников¹⁸⁶, вся канцелярия и переписка.

Тут и там на путях и у станционных построек группы рабочих и солдат пытались организовать сопротивление, но оно тут же было подавлялось. Большая часть отряда отошла на станцию Северскую в шести километрах от Афипской. Остальные

---

¹⁸⁶ В числе захваченных в штабе оказалась и П.И. Вишнякова, принявшая участие в походе на Екатеринодар. Однако каким-то образом женщине удалось бежать. Любопытно, что похожий эпизод уже случился в её биографии. 3 сентября 1907 г. на её квартире был произведён обыск, в ходе которого жандармами были обнаружены материалы, полностью уличающие Прасковью Ивановну в революционной деятельности (в частности, чековые книжки с печатью Кубанского комитета РСДРП). Вишнякова была взята под арест, но, не растерявшись, под надуманным предлогом попросила выпустить её на улицу и тут же скрылась.

погибли в скоротечном штыковом бою либо оказались в плену. Всё военное и интендантское имущество, оставленное на станции, вновь досталось победителям.

Тем не менее, к 7 утра уцелевшим командирам удалось собрать возле себя и вновь организовать отступивших к Северской бойцов. Паника была прекращена, большевики повели наступление на оставленную ночью Георгие-Афипскую. В центре двигался эшелон с установленными на открытых платформах орудиями. Справа и слева от полотна шли густые стрелковые цепи. Развернулся в боевой порядок и отряд Покровского. Какое-то время советская артиллерия безнаказанно и весьма интенсивно обстреливала станцию. Вскоре из Энема подошла полубатарейка капитана Никитина и открыла ответный огонь. Седьмым или восьмым снарядом был подбит паровоз. Прислуга, смущённая близкими разрывами, побросав орудия, подалась от неподвижного эшелона.

В это время высланный под командой сотника Нагайца взвод Гвардейского дивизиона зашёл в тыл советским войскам и подорвал железнодорожное полотно. Большевики, продвинувшиеся было к Афипской, вновь стали отходить на Северскую. Поднявшиеся в контратаку добровольческие цепи преследовали их и захватили брошенный эшелон и орудия. Дальнейшее преследование ввиду усталости людей и крайне малочисленной конницы было прекращено. К 12 часам бой закончился, и безусловная победа вновь осталась за Покровским.

В Георгие-Афипскую прибыли Войсковой атаман, командующий кубанскими войсками генерал И.Е. Гулыга, члены Правительства, включая и его Председателя. Отряд был выстроен у станции. А.П. Филимонов обратился к добровольцам с речью, в которой поздравил их «с исключительной победой» и выразил уверенность, что она явится залогом пробуждения казачества и подвигнет его встать на защиту Края. Поблагодарив бойцов, он направился в станицу, где выступил на сборе казаков.

Вечером на станции было проведено совещание. Покров-

ский доложил о замысле и результатах боя. По свидетельству В. Леонтовича, он настаивал на немедленном наступлении и скорейшем занятии Новороссийска. Однако Филимонов это весьма здравое предложение отклонил. В Войсковом штабе был разработан план боевых действий, согласно которому противнику следовало вначале нанести решающее поражение и обезопасить себя *на каждом из угрожаемых направлений*, и лишь после этого приступить к очищению Края. Поэтому вместо наступления на Новороссийск отряд Покровского перебрался против Тихорецкой.

Это явилось стратегической ошибкой. С военной точки зрения подобные действия не были лишены оснований, но логика гражданской войны требовала иного. Настроения и симпатии *колеблющихся*, в том числе и казачьих, масс определялись в немалой степени наглядным свидетельством перевеса одной из сторон. И в этом смысле занятие губернского центра имело бы основополагающее значение. От этого одного напрямую зависело как число казаков, решившихся выступить на защиту Краевого Правительства, так и количество штыков в красногвардейских отрядах. Займи Покровский Новороссийск, и уже не только всё юго-западное направление не упоминалось бы более в сводках боевых действий, не только приток солдат из Трапезунда был перекрыт раз и навсегда, но, главное, в близлежащих станицах формировались бы в помощь Екатеринодару конные и пластунские казачьи сотни, а не советские батальоны в поддержку большевиков...

Но приказы, как известно, не обсуждаются. Вечером того же дня отряд с прибывшими из Екатеринодара эшелонами был перевезён в Энем, где и заночевал. На станции Афипской оставлен был заслон. Одна сотня казаков из Пашковской под командованием сотника Бохана при двух орудиях знаменовали собой границу территории, на которую распространялась власть Краевого правительства. Для поддержания правопорядка и несения караульной и гарнизонной службы в станице Георгие-Афипской были сформированы две казачьих сотни. Общее командование в районе станции и станицы было возложено

Покровским на командира артиллерийского взвода подполковника Полянского¹⁸⁷.

Для сдерживания возможной активности советских войск этого оказалось более чем достаточно. Вечером 24 января, когда уже получены были сведения о поражении под Афипской, в Новороссийске состоялось расширенное заседание ВРК, на котором присутствовали также представители Красной гвардии и делегаты от Геленджика, Туапсе и Екатеринодара. Вопрос на повестке дня стоял один: что делать дальше? Недавняя эйфория сменилась растерянностью. Признано было, что без надлежащей организации и подготовки красногвардейцы обречены на поражение. От наступательной тактики на новороссийском направлении большевики отказывались. Деморализованные части от Северной были отведены к Тоннельной, где и заняли оборону с задачей прикрыть Новороссийск. Уверенности в удачном исходе при продолжении боевых действий, конечно же, не было. В равной степени это относится и к прибывшим с Кавказского фронта солдатам. Если и раньше большая их часть занимала нейтральную позицию, то теперь, после Энема и Афипской, число желающих влиться в советские отряды сократилось до минимума¹⁸⁸. Впрочем, те из них, кто ранее пошёл воевать за Советы, в большинстве оставались в строю. И напротив, Краевое правительство сочло теперь возможным проводить в зоне боёв мобилизацию казаков, которая поначалу проходила вполне успешно.

---

¹⁸⁷ К.Н. Николаев утверждает, что командовать заслоном, оставлен был войсковой старшина Чекалов. По-видимому, он являлся начальником станичного ополчения.

¹⁸⁸ Уже 23 января, до боя под Афипской, из Новороссийска была отправлена телеграмма следующего содержания: «...Севастополь. Центр. флот. – У Екатеринодара идут бои с контрреволюционными войсками Каледина (так в тексте у Антонова-Овсеенко, это, конечно же, описка). Положение серьёзное, умоляем перебросить несколько тысяч винтовок с патронами в Новороссийск, в виду того, что нет возможности убедить солдат, едущих домой с оружием сдавать таковое. Они помогают Каледину также; эшелоны под угрозой пулемётного огня разоружаются в Екатеринодаре. Во избежание этого, просим немедленно два миноносца или один крейсер с боевыми орудиями, необходима также трёх. дюйм. шрапнель. Новороссийский совет».